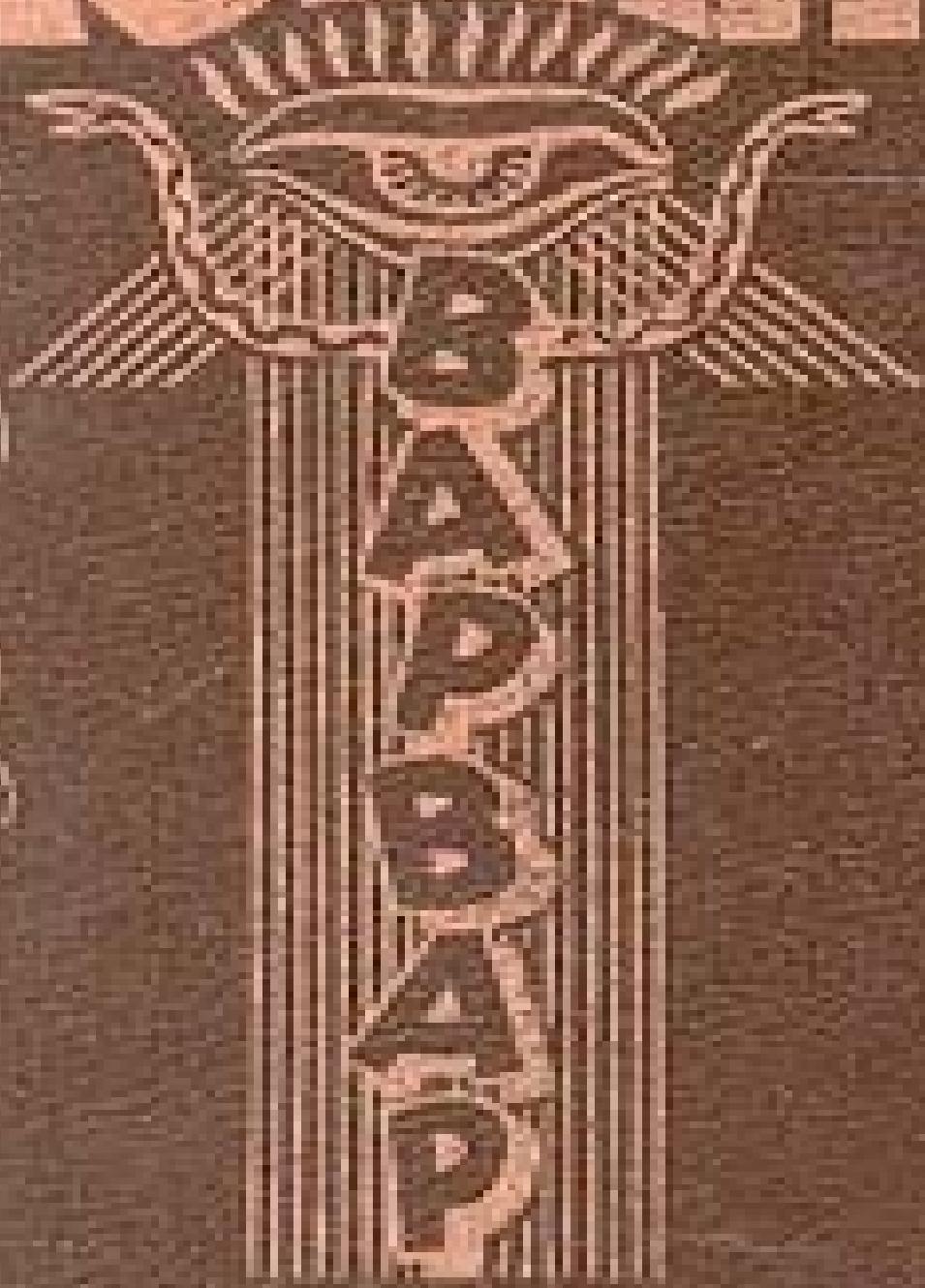

KOUPACH

Project Tobić
Piotr Gąsiert

Annotation

Конан пробирается в Алкмеон, древнюю столицу королевства Кешан, чтобы выкрасть сокровища, известные как «Зубы Гуахаура»...

- [Роберт Ирвин Говард](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
-
-

Роберт Ирвин Говард
Драгоценности Гуахаура

Глава первая

Пути интриги

Скалы круто вздымались над изумрудным океаном ветвей и листьев, над грудами камней, сверкавших подобно голубым нефритам и темно-красным рубинам под лучами восходящего солнца. Изгибаясь, скалы расходились все дальше на восток и на запад, над колыхавшимся под жарким ветром пологом джунглей. Этот гигантский палисад с его крутыми склонами скал, с ослепительно сверкавшими в них кусками кварца, казался неприступным. Но путник, совершивший утомительное восхождение наверх, находился уже на полпути к вершине.

Человек этот был из рода «людей холмов», привычных к непростой жизни в горах, к тому же был он человеком недюжинной ловкости и силы. Вся его одежда состояла из пары коротких шелковых штанов и жестких сандалий, каковые он нес, перекинув через плечо.

Меч и кинжал, болтавшиеся на поясе, явно мешали ему.

Он был мощного телосложения, этот горец с гибким и мускулистым телом барса. Бронзовый загар покрывал его спину, а густая черная грива волос были перехвачена у висков серебряным обручем.

Железные мускулы смельчака, его твердые ноги и быстрые глаза хорошо слушались его на этом трудном и опасном подъеме. Ниже, в котловине зеленым морем шумели и волновались джунгли. Выше по склону нависал край скалы, черный на фоне утреннего неба.

Человек был утомлен. Он спешил, но тем не менее двигался со скоростью улитки, ощупывая руками и ногами каждый выступ и трещину в стене. Иногда находил удобные выбоины и ниши, где можно было передохнуть, а иногда повисал на самых кончиках пальцев.

Медленно, сражаясь за каждую пядь, извиваясь как червь, он все же поднимался вверх. Время от времени он останавливался, чтобы перевести дух и отереть пот со лба и внимательно разглядывал простиравшиеся внизу джунгли.

Он пытался высмотреть в зеленом море хоть какой-нибудь признак человеческой жизни или малейшего движения.

Вершина была уже совсем близко, но ему был виден только участок скалы в несколько футов высотой и щель в толще отвесной стены. Немного погодя он добрался и до нее.

Щель оказалась неглубокой каверной у самого края скалы. Горец удовлетворенно крякнул и закрепился на краю, опервшись на него локтями. Пещерка, нет, скорее просто ниша в скале была уже кем-то занята. Маленькая скорченная мумия, сложив руки на ссохшейся груди, уронив маленькую сморщенную голову на грудь, недвижно сидела в нише, прислонившись к скале. Руки и ноги мумии были перехвачены сыромятными ремнями, давно превратившимися в окаменевшие обрывки. Одежда давно истлела и превратилась в пыль. Между скрещенными руками и поникшей головой покоился пожелтевший, как слоновая кость, и заскорузлый от времени свиток пергамента.

Отдыхавший протянул руку и выдернул свиток. Не глядя, он сунул его за пояс, подтянулся и выпрямился во весь рост. Подпрыгнув он схватился за выступ скалы и, снова подтянувшись на руках, оказался наверху.

Там он остановился, с трудом переводя дыхание, и посмотрел вниз.

Это было похоже на то, как если бы смотреть сверху вовнутрь огромной каменной чаши. Дно чаши покрывала густая растительность, но снаружи лес нигде больше не был таким дремучим. Скалы, окаймлявшие чашу, не имели просветов и располагались на одинаковой высоте.

Странный каприз природы не вязался с окружающим миром: огромный, три-четыре мили в диаметре естественный амфитеатр, заполненный непроходимым лесом и окруженный частоколом скал.

Человек на скале недолго размышлял над проделками Богов. В последнем рывке он достиг вершин возросших несколько ниже по склону деревьев и облегченно вздохнул, увидев мелькнувшие среди зелени мраморные купола. Это был не мираж, не миф; под ним лежал заброшенный и покинутый всеми легендарный дворец Алкменона.

Конан-Киммериец, воин с Барачагских островов, с Черного берега и прочих мест, где жизнь была дикой, добрался до королевства Кешана и, гонимый алчностью к воспетым в мифах сокровищам, превосходившим своими размерами богатства Туранских королей, отправился в эти края.

Варварское королевство Кешан лежало в восточных землях Куша, где широкие луга граничили с лесами, наступавшими с юга. Населяла страну смешанная раса: смуглокожая знатьправляла народом, в большинстве своем состоявшем из негров. Правители королевства — принцы и великие жрецы — считали себя потомками белой расы, в незапамятные времена управлявшей страной со столицею в Алкменоне. Говорящие о разном легенды и мифы не давали точного объяснения упадку королевства и уходу жителей из города. Не менее скудными были и рассказы о зубах Гуахаура — сокровище Алкменона. Но и этих крох оказалось достаточно, чтобы

заставить Конана решиться на дальний поход в Кешан, через степи и джунгли, через горы и водопады.

Он достиг Кешана, — края, который был сказкой, мифом для многих народов севера и запада, и услышал много рассказов, подтверждавших слухи о драгоценных зубах Гуахаура. Не смог он узнать только о точном местонахождении сокровищ: в Кешане не любили любопытных чужаков.

Но чужеземец не выказал замешательства. С холодным высокомерием он предложил величавым, увешанным безвкусными драгоценностями вельможам ценные подарки. Он представился им профессиональным воином, забредшим в Кешан в поисках службы. Он предложил за хорошую плату обучить армию Кешана и повести ее против соседнего Пунта, — старого врага, чья недавняя победа на полях сражений привела в ярость раздражительного повелителя Кешана.

Предложение Конана было не таким дерзким, как могло бы показаться. Слава о нем летела впереди него, достигнув даже отдаленного Кешана. Его имя прославили подвиги, совершенные им на южных берегах, когда он был предводителем черных корсаров. Им восхищались, его боялись во всех черных владениях.

Он выдержал испытания, придуманные для него лукавыми вельможами. В пограничных стычках Конан великолепно преподал врагам искусство настоящего рукопашного боя.

Его отвага и неустрашимость покорили правителей королевства, наслышанных уже о его славе военачальника. Казалось, теперь планы Конана смогут осуществиться.

Для Конана главным было подольше задержаться в Кешане, чтобы выяснить, где спрятаны сокровища Гуахаура. Но тут произошло непредвиденное — в Кешан прибыло посольство из Зимбабве во главе с Тхутмекри.

Мошенником и авантюристом слыл хитрый стигиец Тхутмекри, и потому он представился королю Кешана монархом огромного королевства, простиравшегося на востоке.

Тхутмекри и киммериец давно знали друг друга, но все дело заключалось в том, что стигиец сам хотел покорить Пунт, — королевство, которое недавно изгнало из Зимбабве торговцев, разорив и предав огню крепость.

Он предлагал королю Кешана вторгнуться в Пунт с востока с отрядами негров-копьеносцев, шемитских стрелков и наемников, и помочь королю захватить вражеские владения.

Щедрые властители Зимбабве пожелали только монополии в торговле

с Кешаном и его данниками, а в качестве залога верности — зубы Гуахаура. Тхутмекри заверил подозрительных вождей, что зубы будут храниться во дворце Зимбабве, за изваяниями золотых идолов Дагона и Деркето, — священных гостей в священной усыпальнице королевства. Это заявление вызвало у Конана хмурую усмешку.

Киммериец не стал противоречить Тхутмекри и его шемитскому партнеру Зардхебе. Он понимал, что если стигиец настоит на своем предложении, он тут же потребует немедленно изгнать Конана как соперника. Конан должен был обнаружить сокровище и исчезнуть с ним до того, как повелитель Кешана даст себя уговорить. Конан был совершенно уверен, что драгоценные зубы спрятаны не в Кешане, королевской столице, где рой соломенных лачуг окружал обнесенный глиняной стеной дворец из бамбука и глины.

Пока монарх окуривался благовониями с беспокойным и нетерпеливым гостем, верховный жрец объявил, что необходимо вначале выяснить решение богов касательно заключения союза с Зимбабве, а потом уже закреплять этот союз залогами и обетами, подтверждающими его нерушимость и святость. Жрец предлагал с оракулом из Алкменона.

Это предложение вызвало благоговейный трепет, вззволнованные толки и в хижинах, и во дворце.

Безмолвие мертвого города не нарушалась жрецами уже сто лет. Считалось, что оракулом Алкменона была принцесса Йелайя, последняя женщина правительница города, умершая в самом расцвете юности и красоты. Тело ее чудесным образом не истлело, оставшись молодым и прекрасным. В прежние времена жрецы приходили в священный город, и принцесса учила их колдовству. Но последний жрец оказался подлым вором, пытавшимся украсть священные зубы Гуахаура. Он умер внезапно, во дворце, о котором покинувшие его служители рассказывали ужасные истории, отпугнувшие жрецов от оракула на добрую сотню лет.

Однако Норулга, верховный жрец, убежденный в своей честности и знании оракула, объявил, что пойдет в священный город с группой приверженцев и возродит старинный обычай. Узнав об этом, Конан решил тут же покинуть Кешан, и на целую ночь опередить главного жреца.

Прокакав верхом ночь, день и еще одну ночь, Конан на рассвете подъехал к скалам Алкменона, приближаться к которым не смел никто, кроме священников. Скалы возвышались на самом юге королевства, в сердце безлюдных джунглей.

Никто из людей не смог бы преодолеть эти скалы, и никто, кроме жрецов, не знал тайного входа в долину. Конан не стал искать этого входа.

Кручи, неприступные для людей равнин, болот и лесов, были вполне пригодны для уроженца холмистой, сумрачной Киммерии.

Сейчас, стоя на вершине скалы, он любовался круглой долиной и дивился мысли, что мор, войны и суеверия могли заставить людей покинуть эту твердыню, чтобы потом те растворились среди окружавших их черных племен.

Долина была оплотом, крепостью, убежищем. Дворец стоял с тех пор, как здесь поселились королевская семья и двор. Зеленые массы колыхавшихся джунглей скрыли в себе его развалины. Но мелькавшие в гуще ветвей купола по-прежнему были покрыты знаками королевского двора Алкменона.

Конан медленно спустился по внутренней, более пологой и шершавой, чем внешняя, стороне скал.

Сжимая меч в одной руке, он огляделся вокруг. Видимо, люди не зря говорили, что Алкменон стал городом призраков. Но Конан был достаточно осторожен и внимателен. Тишина была полной, не слышно было даже шороха листьев. Он наклонился, чтобы всмотреться в просветы между деревьями, но не увидел ничего, кроме уходящих в голубой мрак стволов.

Конан очень осторожно, держа меч в руке, продолжал взглядываться в заросли. Зрачки его быстро скользили из стороны в сторону, упругая поступь стала бесшумной.

Его окружали обломки замершей жизни: мраморные высохшие фонтаны, руины осыпавшихся стен посреди тонких деревьев. Едва различались линии четко спланированных некогда рощ и лужаек, широкие тротуары тянулись между деревьями, разбитые и проросшие красной травой.

Конан с трудом различал стены, покрытые орнаментами, резные каменные решетки: возможно, здесь были прежде места увеселений.

Массивные здания с мерцающими среди листвы куполами становились все ближе и различимее. Пробившись сквозь густые заросли дикого винограда, киммериец вышел на широкое ровное пространство, не занятое растительностью.

Его взгляду предстал широкий портик королевского дворца. Поднимаясь по крутым мраморным ступеням, Конан заметил, что дворец сохранился гораздо лучше других построек, какие он мельком увидел недавно.

Массивные колонны и мощные стены, похоже, не хотели уступать натиску времени. Мертвая тишина стояла в этом мертвом городе. Даже

кошачья поступь Конана казалась непозволительно шумной в этой оглушительной тишине.

Где-то здесь, во дворце, находился портрет или изваяние, служившее для жрецов Кешана оракулом, и здесь же, если верить слухам, были спрятаны сокровища былых владык Алкменона.

Конан вошел в высокий зал с мощными высокими колоннами. Между ними возвышались стены с зияющими дырами от давно истлевших дверей. Пройдя полутемный зал, он вошел в одну такую дыру и оказался в огромном куполообразном помещении, очевидно, когда-то служившим аудиенц-залом повелителей Алкменона.

Это было помещение восьмиугольной формы с высоким округлым потолком, сквозь искусно прорезанные окна которого лился дневной свет, прекрасно освещая все внутри. У дальней стены находилось возвышение с лазуритовыми ступенями, и на этом возвышении покоилось массивное кресло с расписными подлокотниками и высокой узорчатой спинкой, которая, несомненно, когда-то поддерживала золотой парчовый балдахин. Глаза Конана засияли: это был легендарный золотой трон королей Алкменона.

Удачная находка, если, конечно, удастся унести его отсюда. Конан прикинул на глаз, сколько трон может весить. Близость богатства разжигало его воображение, усиливало его алчность. Ему не терпелось погрузить свои пальцы в груды сокровищ, описанных ему рассказчиками на торговых площадях Кешана. Они говорили, искренне веря в свои слова, про алмазы, рубины, сапфиры и изумруды, про все сокровища пролетевших веков.

Он ожидал обнаружить изображение оракула здесь, в тронном зале, но оно наверняка находилось в другой части дворца, если, конечно, оно существовало на самом деле. Но в последнем Конан нисколько не сомневался.

За троном он обнаружил узкий арочный проход, когда-то, возможно, замаскированный занавесью. Конан заглянул в него и увидел, что он ведет в пустой альков с коридором, начинавшимся в его правом углу. Конан обследовал другую арку слева от трона, и нашел необычную дверь с порталом из золота, украшенную искусно вырезанным орнаментом.

Конан толкнул двери, и они распахнулись с такой легкостью, словно кто-то недавно смазал их петли. Войдя вовнутрь, он осмотрелся вокруг.

Он стоял в квадратной комнате, небольшой, с мраморными стенами и резным потолком, украшенным золотой инкрустацией. Фигуры из золота стояли вдоль стен. Других дверей в комнате не было. Конан автоматически

запомнил все подробности обстановки.

Вдруг его внимание приковал чей-то взгляд. Осторожно повернув голову, он увидел существо, глядевшее на него с постамента из слоновой кости.

Его лицо не было вырезано из камня или слоновой кости, это было настоящее лицо, живое, к тому же, как чуть позже заметил Конан, оно принадлежало стройной женской фигуре в роскошных одеждах.

Конан и представить себе не мог, как много веков эта фигура сохранялась нетленной, благодаря черной магии и колдовству. Все детали ее одеяния остались нетронутыми. Конан помрачнел. Где-то в глубине души возникло смутное беспокойство. Колдовство, спасшее тело от тления, не должно было подействовать на одежду, но увы, это было именно так. Нагрудная накидка, набранная из золотых пластин, золоченые сандалии, короткая юбка из шелка на драгоценном поясе — все это не носило никаких следов времени и разрушения.

И после своей смерти принцесса Йелайя была по-прежнему прекрасна.

Ее тело, словно вырезанное из алебастра, тем не менее казалось живым и чувственным. Что-то демоническое было в этой женской фигуре.

Конан стоял, подозрительно разглядывая ее, потом постучал мечом по возвышению. Он предложил, что сокровища могли храниться именно под постаментом, но отзвук удара был звонким и коротким, как от сплошного камня. В нерешительности Конан обошел помещение. Он не знал, куда идти дальше, а времени оставалось очень мало. Жрец выболтал проститутке, что сокровища хранятся во дворце. Но дворец был необъятен. Может быть, ему следует остаться здесь, спрятаться, и, дождавшись, когда уйдут жрецы из Кешана, продолжить поиски?

Но если жрецы найдут сокровища и унесут их с собою, что тогда?

Конан был уверен, что Тхутмекри удалось подкупить Гурулга.

Конан хорошо знал Тхутмекри и мог предвидеть его действия. Тхутмекри требовал сокровища как залог преданности королей Кешана. Это было в его духе.

Как только этот авантюрист получит сокровища, властители Зимбабве начнут военные действия. Пунт будет одновременно атакован с востока и запада; когда же Пунт и Кешан будут обессилены и вымотаны войной, короли Зимбабве сокрушат их обоих. Они разграбят Кешан и доберутся сюда. Они подвергнут пыткам все королевство и наконец все равно узнают дорогу в заброшенный Алкменон.

Но была и другая возможность у Тхутмекри — просто-напросто,

заполучив сокровища Гуахаура, исчезнуть с ними.

Конан понимал, что поход в Алкменон для беседы с оракулом — всего лишь уловка, чтобы заставить короля Кешана согласиться с мнением хитрого стигийца. Он знал, что Гурулга так же лжив и коварен, как и все остальные в этой шайке. Конан не стал обращаться к верховному жрецу, ибо он не мог соперничать во взяточничестве с Тхутмекри. Попытайся Конан подкупить жреца, и тот бы одним ударом избавил Тхутмекри от соперника, объявив Конана интриганом и врагом Кешана. Но Конан хотел узнать, чем можно было подкупить человека, имевшего доступ к величайшему сокровищу мира.

К тому же Конан опасался, что оракул действительно мог говорить от имени богов и, заговорив о нем, выдать его с головой жрецам в ответственный миг.

Конан, не обнаружив ничего в комнате с оракулом, прошел в тронную залу. Он попытался приподнять золотой трон, и это ему удалось. Пол под троном тоже был цельным. Конан снова обыскал альков. В памяти он все время возвращался к тайному склепу рядом с оракулом.

Он начал тщательно выстукивать стены, и наконец обнаружил пустоты напротив входа в узкий коридор. Приглядевшись, он заметил между мраморными панелями более широкую, чем в других местах, щель.

Конан вставил в щель клинок и нажал на лезвие.

Панель отошла, открыв за собой пустую нишу в стене. Конан зло выругался. Ниша, казалось, была пустой всегда. Но склонившись ниже, Конан заметил в стене, на уровне рта, систему каких-то ящичков. Он заглянул в них, но это оказались всего лишь дырки в стене, разделявшей альков и комнату с оракулом. Звуковые отверстия! Конан усмехнулся.

Тайна оракула объяснялась проще, чем он мог ожидать. Гурулга должен, судя по всему, посадить к этим отверстиям себя или кого-то из своих слуг, чтобы тот пророчествовал голосом Йелайи перед доверчивыми зрителями.

Кое-что вспомнив, Конан достал свиток пергамента, взятый у мумии, и осторожно развернул его. Свиток едва не рассыпался в его руках. Конан задумался над покрывавшими пергамент письменами.

В своих странствиях по разным царствам Конан овладел разговором и чтением на многих языках. Ученые жрецы дивились его способности быстро перенимать чужую речь. Конан нередко попадал в переделки, в которых только знание языка спасало его от неминуемой гибели.

Знаки на пергаменте были смутно знакомы и в то же время непонятны. Вскоре он сообразил, почему это было так.

Это был древний пилеитилинский язык, имевший большие отличия от современной письменности. Рукопись поставила его в тупик. Он обнаружил лишь одно знакомое слово, часто повторяющееся в тексте. Это было имя: Иакин. Возможно, имя писавшего...

Конан старательно шевелил губами, вспоминая забытые слова в попытке прочесть таинственный манускрипт. Он выяснил, что автор письма, Иакин, пришел издалека и со своей свитой проник в Алкменон.

Последующий текст изобиловал незнакомыми оборотами и фразами.

Конану стало ясно из прочитанного, что Иакин предвидел свою кончину. Именно там, на перевале, его и настигла смерть. Выполняя волю умирающего, слуги оставили его в пещерке.

Странно, но Иакин не упоминался ни в одной из легенд о Алкменоне. Он пришел в долину, очевидно, уже после ухода из нее жителей. На это и указывал манускрипт. Казалось непонятным то, что жрецы, приходившие когда-то к оракулу, не встретили этого Иакина и его слуг. Видимо, он приходил еще до того, как жрецы в последний раз пришли сюда, чтобы проститься с мертвой принцессой. Легенды умалчивали об этом, рассказывая о покинутом мертвом городе.

Зачем жил человек в этом заброшенном городе, и куда вернулись слуги, избавившись от покойника.

Конан пожал плечами и спрятал свиток за пазуху. Вдруг среди полной тишины потрясающе неправдоподобно прогремел звон огромного гонга.

Конан мгновенно, как кошка, развернулся, потрясая мечом. Он взгляделся в темноту коридора, из которого донесся звон. Неужели жрецы из Кешана? Невероятно... Он знал, что они не могли так быстро добраться сюда. Но звук гонга неоспоримо указывал на чье-то присутствие.

Конан, как правило, действовал напрямик, подчиняясь своей природе варвара. Вот и сейчас, вместо того, чтобы убежать или спрятаться, Конан побежал навстречу неведомому звуку. Он бежал бесшумно, как пантера, глаза его сузились, губы скжались. Чувство опасности пробудило в нем первобытную ярость.

Он выбежал из коридора в маленький дворик. Большой золотой диск висел на торчащей из стены ручке. Это и был гонг. Молоток из латуни лежал рядом, но вокруг — ни звука, ни следов человека. Конан притаился, замерев в проеме двери. Все было тихо. Наконец ему надоело ждать, и он скользнул через дворик, готовый отпрыгнуть или нанести удары направо и налево, молниеносные, как удары кобры.

Он подошел к гонгу и всмотрелся в проемы ближайших к нему арок. Под одной из них он увидел темное помещение, заваленное обломками.

Позади гонга лежали мраморные отполированные плиты, на которых не отпечатались ничьи следы. Но в воздухе висел еще слабый, еле уловимый запах, неясный для Конана. Ноздри его расширились и задрожали, как у зверя, но он так и не смог понять, что это за запах.

Конан повернулся лицом к арке. Плиты, на которых он стоял, неожиданно ушли у него из-под ног. Он раскинул руки, пытаясь ухватиться за края пропасти, но они осыпались, не выдержав тяжести его тела. Он рухнул вниз. Стремительный поток воды подхватил Конана и понес его с огромной скоростью.

Глава вторая

Божество пробуждается

Вначале Конан не стал бороться с уносившим его потоком.

Сжимая зубами меч, он держался на плаву, продолжая нестись сквозь непроглядную мглу.

Конан старался не думать о том, что его ждет впереди. Неожиданно луч света прорезал тьму впереди него. Он увидел волнавшуюся поверхность воды и крутые каменные стены, смыкавшиеся сводом наверху. Прямо под арочной крышей тянулся узкий карниз, но Конану было не дотянуться до него. В крыше зиял широкий провал, сквозь него проходил свет. За этим столбом света царила кромешная тьма, и Конан ужаснулся при мысли о том, что сейчас он проскочит мимо и окажется вновь в темноте и неизвестности.

Тут он заметил, что с карниза к поверхности воды опускались бронзовые ступени.

Конан тут же схватился за одну из них, борясь с течением, выносившим его на середину. Конан неистово сражался с волнами и все ближе подбирался к берегу, с трудом беря каждый фут. Изогнувшись, он наконец вцепился в край лестницы и повис на руках.

Через мгновение Конан выбрался из ледяного потока и всем телом налег на позеленевшие ступеньки. Они легко выдержали киммерийца, когда он взобрался на карниз, бегущий вдоль всей стены.

Конан пригнулся, чтобы головой не задеть потолка.

Он наткнулся на бронзовую дверь, но та не поддалась ему.

Тогда он взял рукой меч, который все это время сжимал руками, и засунул в ножны, сплюнув кровь из порезанных губ. Потом занялся пробитой крышей.

Он просунул руки в трещину, осторожно проверив, выдержит ли камень его вес. Проникнув, наконец, сквозь отверстие в крыше, Конан обнаружил, что попал в широкое, сильно разрушенное помещение.

Крыша почти вся провалилась, как и пол, лежавший под сводом подземного канала.

Конан решил, что он все еще во дворце. Как много в нем комнат, в этом чертоге королей! Еще он сообразил, что предательские плиты пола могут снова обвалиться под ним и низринуть его во все тот же поток.

Интересно, сколько людей до него попадало сюда вот так же? Он задумался: провалились ли плиты под его весом случайно или кто-то устроил ему ловушку? Ясно было одно: он здесь не один. Кто-то ударил в золотой гонг. Были ли этот шум приманкой для него?

Тишина во дворце таила в себе неясную опасность.

Может быть, кто-то другой проник сюда с той же целью, что и он сам? Внезапно в памяти всплыл злосчастный Иакин. Что, если этот человек нашел священные зубы Гуахаура? А его слуги забрали их с собой?

Чувство, что за ним следит невидимка, приводило его в ярость.

Конан двинулся по коридору, ведущему, как он предполагал, обратно в ту часть дворца, где он разыскивал сокровища. Мысленно он все время возвращался к загадочной обитательнице комнаты оракула. Ключ к сокровищам находился где-то поблизости от нее. Конан был почти уверен в этом.

Он продвинул все дальше по разрушенным комнатам и залам.

Вскоре он нашел коридор, ведущий в тронную залу. Он решил, что спрячется и дождется прихода жрецов, а после фарса с оракулом двинется тайком за ними, когда те пойдут добывать сокровища. Возможно, жрецы заберут лишь часть драгоценностей, а он возьмет оставшиеся. Конан снова вошел в святилище оракула и уставилсь на неподвижную фигуру Йелайи, перед которой люди трепетали когда-то, как перед божеством, застывшим в неземном величии. Что за тайну скрывала эта чудесная статуя?

Конан вздрогнул. Он шумно втянул воздух, и волосы встали дыбом на затылке. Тело принцессы все еще лежало перед ним, безмолвное и безжизненное, все та же одежда покрывала ее, но странная перемена сразу бросалась в глаза: на щеках принцессы играл румянец, губы порозовели...

Выругавшись, Конан обнажил меч.

— Кром! Она живая!

Дрогнули длинные черные ресницы, глаза раскрылись и взглянули на киммерийца — темные, манящие, магические. Конан лишился дара речи.

Она изящно приподнялась, не сводя с мужчины глаз.

Конан с трудом пришел в себя и, облизнув сухие губы, проговорил:

— Так ты... вы..., Йелайя?

— Я — Йелайя!

Голос звучал, как дивная музыка. Конан смотрел на нее с изумлением.

— Не бойся! Я не трону тебя, если ты выполнишь мою волю.

— Как умершая женщина может ожить столько веков спустя? — спросил Конан.

Она подняла руку в царственном жесте.

— Я — богиня. Тысячу лет назад меня поразила кара высших богов, сидящих по ту сторону света. Во мне умерла смертная женщина, божество же мое не умрет никогда. Я пролежала долгие века, чтобы пробуждаться здесь каждую ночь и устраивать приемы с призраками прошлого. Человек, если ты увидишь все это, погибнет твоя душа! Беги же прочь! Я повелеваю тебе! Иди!

Голос ее стал тверд, тонкая рука указала прочь.

Конан, сузив глаза, вложил меч в ножны, но не повиновался приказу. Он шагнул к ней, словно привлеченный силой ее красоты. Без единого слова он сгреб ее в свои медвежьи объятия.

Йелайя завопила совсем не похожим на божественный голосом.

Затем послышался треск рвущейся ткани, когда он одним махом сорвал с нее юбку.

— Божество! Умора! Ха!

В его словах прозвучало презрение. «Принцесса» продолжала бесполезные попытки вырваться из железных лап Конана.

— То-то я смотрю, отчего это вдруг принцесса Алкменона говорит с корентианским выговором. Я сразу узнал, кто ты и откуда. Ты не божество, нет, ты — Муриела, танцовщица Зардхеба Корентианского. Я запомнил эту серповидную родинку на бедре, обнажившемся, когда Зардхеб бичевал тебя. Божество! Ха!

Конан звонко шлепнул ее по предательской родинке и девчонка жалобно взвизгнула.

Вся царственность мгновенно слетела с нее. Она оказалась обычной танцовщицей, каких много шатается по шемитским базарам. Девушка пристыжено плакала. Конан с явным торжеством смотрел на нее.

— Ха! Богиня! Да ты одна из женщин, взятых Зардхебом с собой в Кешан. И ты думала, что меня так легко одурачить? Маленькая глупышка! И видел тебя тогда в Акбитане с этой свиньей Зардхебом, а я хорошо запоминаю формы женских фигур. Думаю, что я...

Извиваясь в цепких объятьях киммерийца, Муриела в страхе обвила руками его мощную шею. Слезы катились по ее щекам, она рыдала и билась в истерике.

— О, не убивайте меня, прошу вас! Да, я сделала это, Зардхеб заставил меня изображать оракула.

— Почему, о святотатствующая шлюха? — заревел Конан. — Тебя не страшит гнев богов? Кром! Здесь все подделано!

— О, умоляю — кричала она.

Девушка рыдала, раздавленная страхом.

— Мне не удалось отговорить Зардхеба. О, что я наделала! На мне проклятие этих языческих богов!

— Как ты полагаешь, что сделают с тобой жрецы, когда обнаружат обман? спросил Конан.

Она упала, обхватив колени киммерийца и моля его о защите и пощаде. Страх, раньше придававший ей силу, теперь выходил из нее наружу.

— Где Зардхеб? — спросил Конан. — И прекрати вопить. Говори!

— Его здесь нет, — пролепетала она. — Зардхеб следит за жрецами.

— Сколько с ним людей?

— Никого. Мы одни пришли.

— Ха!

Этот возглас напоминал довольный рык льва после удачного прыжка.

— Так значит, ты отправилась из Кешана вскоре после меня? И вы поднимались на скалы?

Она кивнула, продолжая плакать и что-то невнятно бормотать себе под нос. Конан схватил ее за плечи и хорошенъко встряхнул.

— Ты прекратишь это бормотание и будешь отвечать? Как вы проникли в долину?

— Зардхеб знает потайной ход. Она задыхалась.

— Жрец Гуахаура все рассказал Зардхелу и Тхутмекри. На южной стороне долины у подножия скал есть пруд. Там, под водой, находится пещера, незаметная сверху. Мы нырнули и попали в эту пещеру. По ней мы и пробрались в долину. Вход со стороны долины скрыт густыми зарослями и тоже невидим для посторонних глаз.

— Я поднимался на утесы с восточной стороны, — пробормотал Конан. — Ладно. Что потом?

— Потом мы дошли до дворца, и Зардхеб велел мне остаться во дворе, а сам пошел осматривать комнату оракула. Пока я была одна, мне, кажется послышался звук гонга, но я не уверена на самом деле... Вскоре вышел Зардхеб и провел меня в комнату, где возлежала божественная Йелайя. Жрец снял с нее одежду и украшения и надел их на меня, а сам ушел, чтобы спрятать тело и проследить за жрецами. Мне страшно. Когда ты пришел, мне хотелось просить тебя унести меня отсюда, но я боялась Зардхеба. Тогда я попыталась тебя напугать...

— Что ты должна была произнести как оракул? — спросил Конан.

— Я должна была повелеть жрецам найти зубы Гуахаура и отдать часть из них Тхутмекри как залог, и доставить остальные в Кешан, если они не согласятся с его предложениями. Еще я должна была приказать

немедленно содрать с тебя живого кожу.

— Хм, Тхутмекри не дождется сокровищ, хотя мог бы легко их заполучить. Если я поймаю его, то вырежу печень. Горулга тоже участвует в этом балагане?

— Нет. Он неподкупен и свято верит в своих богов. Все это придумал Тхутмекри. Зная, что кешанцы пошли на совет с оракулом, он послал меня и Зардхеба с посольством из Зимбабве.

— Ладно! — произнес Конан. — Священник, честно служащий своим богам, не может быть подкуплен. Но я хочу знать, зачем Зардхеб ударил в гонг? Знает ли он, что я здесь? Известно ли ему о предательских плитах? И где он сейчас сам, черт возьми?

— Он прячется в зарослях, рядом с аллеей, ведущей от южной стены к дворцу, — ответила девушка. Она продолжала настойчиво умолять Конана.

— О, сжался надо мной! Меня пугает это заколдованное место, я все время слышу шорох крадущихся шагов. О, Конан, забери меня, забери меня отсюда. Когда я выполню волю Зардхеба, он убьет меня, я это знаю. Он спас меня от работорговца, похитившего меня из каравана, двигавшегося через Котч, а затем превратил в орудие своих козней. Возьми меня с собой! Не оставляй умирать в этом проклятом месте! Я умоляю тебя!

Она стояла перед ним на коленях, обхватив его ноги. Прекрасное лицо ее было заплакано, шелковистые кудри в беспорядке рассыпались по плечам.

— Слушай! Я спасу тебя и от руки Зардхеба, и от гнева жрецов. Никто не узнает о твоем обмане, но ты сделаешь так, как я велю тебе.

Она поспешило пообещала ему повиноваться, обняв его массивную шею и как бы ища в этой близости защиту.

— Хорошо. Когда сюда придут жрецы, действуй по плану Зардхеба. В темноте, при свете факелов, они не обнаружат подлога. Но ты скажешь им вот что: «Воля богов такова, чтобы стигиец и шемитские псы были изгнаны из Кешана. Они предатели и воры, стремящиеся похитить сокровища богов. Пусть о зубах Гуахаура отныне будет заботиться великий воин Конан. Он любит великими богами, и только он сможет повести армии Кешана.».

— Да, но Зардхеб? Он же убьет меня! — с неподдельным ужасом воскликнула она.

— Не беспокойся о нем, — проворчал Конан. — Я сумею успокоить этого пса. Ты сделаешь, как я тебе велел. И приведи себя в порядок. Одень украшения и юбку. Она немного порвана, но жрецы ничего не заметят. Вытри лицо и перестань хныкать, как напроказывшая девчонка. Ты же

божество! Кром! Ты и впрямь как Йелайя — лицо, фигура, волосы и прочее... Тебе не трудно будет обмануть священников.

— Я постараюсь... Ее била дрожь.

— Хорошо. Ну, а я пойду искать Зархеба. Ее снова охватил испуг:

— Нет, не уходи! Не оставляй меня здесь одну, мне страшно! Это проклятое место.

— Не бойся, здесь нет ничего страшного, — спокойно уверил он ее. — Я пойду присмотрю за Зархебом и скоро вернусь. На всякий случай я буду поблизости во время церемонии. Но надеюсь, если ты как следует сыграешь свою роль, все будет хорошо.

Повернувшись, он вышел из комнаты оракула. За его спиной тихо всхлипнула Муриела.

Конан шел по сумрачным залам, мимо тускло блестевших медных фигур. Он с изумлением взирал на эти изваяния из прошлого. Понятно, какие чувства могли они внушать девушке-танцовщице.

Плавно, как пантера, он двигался вниз по мраморной лестнице, скимая в руке меч. В долине царила тишина. Если жрецы Кешана тронулись в путь, то они шли совершенно бесшумно.

Он обнаружил старинную аллею, бегущую к густым зарослям деревьев и кустов. Он тихо проскользнул по ней, стараясь держаться в тени. Вскоре он достиг зарослей лотоса, где, по словам Муриэлы, прятался Зархеб. Конан внимательно осмотрелся. Сейчас он совсем сливался с тенью деревьев и был почти невидим.

Он подобрался к роще окольным путем, не выдав свое присутствие даже шорохом листвы. У самых деревьев он резко остановился, как встревоженная кошка. Среди густой зелени впереди ясно белел овал, совсем не похожий на большие белые цветы, сиявшие среди ветвей. Конан понял, что это было лицо человека. Оно глядело на него. Конан мгновенно отскочил в тень. Успел ли увидеть его Зархеб? Лицо не двигалось. Конан готов был поклясться, что темный пучок пониже пятна, был черной узкой бородкой жреца.

Внезапно киммерийца осенило. Он вспомнил, что Зархеб был невысок. Когда он стоял рядом, его голова не доставала до плеча Конана. А тут их лица были на одном уровне. Может быть, жрец забрался на что-нибудь? Или это вообще не жрец?

Конан всмотрелся в то место, где виднелось лицо, но ничего не смог различить кроме подлеска и стволов деревьев. Но он заметил нечто иное и замер. В просвете между ветвями кустарника он увидел ствол дерева, под которым должен был стоять Зархеб. Тела жреца там не было.

Приблизившись, Конан угрюмо глядел на голову Зардхеба, подвешенную к ветвям за собственные длинные черные волосы.

Глава третья

Возвращение оракула

Конан резко развернулся, свирепо озираясь вокруг. Нигде не было и признаков обезглавленного тела, только в одном месте была вытоптана трава, и все забрызгано чем-то темным и густым.

Он стоял, напряженно вслушиваясь в окружающее безмолвие, почти не дыша. Деревья вокруг стояли тихие, темные и зловещие, словно выгравированные на темном фоне сумерек.

Страх перед неведомым зародился в душе киммерийца. Если это сделали жрецы Кешана, то где они? Зардхеб ударил в гонг, или кто-то другой?

Опять вспомнил Иакин и его слуги. Иакин скончался и был помещен в свою каменную нишу, чтобы каждое утро первым встречать рассвет. Но со слугами все было неясно. Ничто не указывало на то, как они ушли из долины, и ушли ли вообще.

Конан вспомнил о маленькой танцовщице, беззащитной в этом мрачном чертоге. Он повернулся и понесся назад, как бежит хищник, озираясь даже во время прыжка, чтобы в любой момент отразить нападение слева или справа.

Сквозь деревья неясно проглядывали очертания дворца, но Конан вдруг заметил нечто иное — сполохи огня, красными отблесками игравшие на полированном мраморе.

Конан нырнул в тень кустарника, росшего вдоль разрушенной улицы, пробрался сквозь густую поросьль и подобрался к краю открытой площадки перед портиком.

До него донеслись обрывки речи. Колеблющиеся языки факельных огней шевелили неровные тени на эbonитовых плитах.

Это были жрецы из Кешана.

Они двигались друг за другом по мраморной лестнице, высоко подняв свои факелы над головой. Горулга возглавлял процессию. За ними брели негры, служители жреца. Замыкал шествие высокий негр со странным выражением лица. Конан нахмурился. Это был Гравунга, про которого Муриела сказала, что это он открыл тайну пруда Зардхебу. Конан хотел бы знать, насколько серьезно Тхутмекри впутал этого негра в свои интриги.

Конан поспешил к портику, осторожно обходя открытую площадку и

прячась в тени.

Жрецы не оставляли охраны при входе. Они были уверены в безлюдности места. Через минуту Конан уже был позади них у дверей тронного зала.

Незаметно прокравшись вдоль стены, он достиг большой двери, пока жрецы еще шли по залу. Их факелы отбрасывали тени назад, они шли не оглядываясь.

На мгновение они задержались у золотой двери справа от возвышения.

Зазвучал голос верховного жреца, выбирая под сводами зала. Горулга говорил на непонятном Конану языке. Затем жрец толкнул золотую дверь и вышел, отвесив легкий поклон. За ним вошли остальные, тоже кланяясь. Золотые двери закрылись, и Конан проскользнул через зал и альков позади трона. Он бежал беззвучнее, чем проносившийся меж колонн ветерок.

Лучики света пробивались сквозь отверстия в камне, когда Конан осторожно открыл потайную панель. Он проник в нишу и припал глазом к отверстию.

Муриела сидела на возвышении прямо и гордо, руки ее покоились на коленях, голова была прислонена к стене, совсем близко от его глаза.

Пьянящий аромат ее волос проник ему в ноздри.

Конан не мог видеть лица девушки, но ее поза говорила о том, что она сидит и смотрит куда-то в пространство, поверх чернокожих бритоголовых исполинов, стоявших перед ней на коленях.

Конан одобрительно усмехнулся. «Девочка — неплохая актриса», — заметил он про себя.

Конан знал, что Муриела охвачена страхом, но держится и не подает виду. В свете факелов она и вправду выглядела божеством, если кто-нибудь видел божество, полное трепетной жизни.

Горулга затянул странную песнь, очевидно, на древнем и священном языке Алкменона, передаваемом высшими жрецами из поколения в поколение.

Песня показалась Конану бесконечной. Он встревожился. Лишь бы Муриела выдержала до конца. Если же нет... Он ощупал меч и кинжал. Он не допустит, чтобы негры пытали и убивали маленькую плясунью.

Наконец ритуальная песня закончилась, и крики жреца оповестили об этом. Простирая руки к оракулу. Горулга воскликнул зычным, богатым оттенками голосом, каким обладал любой посвященный жрец в Кешане:

— О, великое божество, сидящее во тьме, позволь сердцу твоему смягчиться, позволь раскрыться ушам твоим для слов моих, и губам твоим раскрыться до ушей моих, — ушей недостойного раба твоего, простертого

в пыли перед тобою. О, великая богиня священной долины, о тьма, разгневанная на нас из-за солнечного света. Снизойди, пролей сияние мудрости на слуг твоих! Открой нам решение богов: какова их священная воля касательно стигийца Тхутмекри? Кто поведет в бой армию Кешана?

Черные струи блестящих волос, отражавшие яркий свет факелов и отблески его на сумрачной бронзе, пришли в едва заметное движение. Благоговейный и испуганный вздох вырвался из уст кучки жрецов. Голос Муриэлы звучал в тишине дворца тонко, повелительно и волшебно, лишь легкий коринфянский акцент несколько портил впечатление.

Жрецы не дыша внимали словам оракула.

— Боги желают, чтобы подлый стигиец и шемитские собаки были изгнаны из Кешана! Она еще раз повторила эту фразу.

— Они — изменники и воры. Они чинят козни, чтобы украсть сокровища богов. Пусть зубы Гуахаура передадут под охрану великому воителю Конану. Он поведет армию Кешана! Боги любят его!

В конце речи голос ее дрогнул. Конан покрылся холодным потом, ему показалось, что Муриела вот-вот забьется в истерике. Но негры даже не заметили предательского акцента — видимо потому, что не знали его.

Глаза верхового жреца сверкали в свете факелов возбужденно и фанатично.

— Это сказала Йелайя! Это воля богов! — громко выкрикнул он.

— Тысяча лет назад, во времена наших праотцев было наложено табу, и все оставлено богам. Боги вырвали эти священные зубы из пасти Гуахаура — владыки тьмы, в час рождения этого мира. По воле богов зубы Гуахаура будут вновь отданы нам. О, рожденное небом божество, открой нам место, где укрыты священные Зубы, и мы отдадим их избраннику богов!

— Вы можете идти! — с повелительным жестом руки произнесло «божество», и отступило назад. Конан усмехнулся про себя.

Жрецы попятались, уходя. Факелы исчезли. Со скрипом закрылись золотые двери.

— Конан!

Муриела жалобно всхлипнула.

— Ш-ш-ш! — шепнул ей Конан через отверстие.

Он выскочил из ниши и захлопнул панель. Отсветы на стенах говорили ему, что факельщики удаляются через тронную залу. В то же время он заметил другое сияние, исходящее уже не от факелов. Он вздрогнул, но тут же сообразил, в чем было дело. Сияющий купол Алкменона на самом деле существовал. Чудо мастерства и природных свойств светящегося белого

камня, добываемого в черных странах, поразило киммерийца. Купол каким-то удивительным образом усиливал лунный свет. Свет заливал тронный зал и примыкавшие к нему альковы.

Конан шагнул к двери, ведущей в зал, но вдруг замер, услышав неясный шум, доносившийся из коридора. Конан прижался к стене у входа в альков, помня о звуке гонга, заманившего его в западню.

Свет от купола освещал только пустой коридор. Но Конан явственно рассыпал эхо крадущихся шагов.

Женский крик у него за спиной заставил его стремглав броситься в комнату оракула.

Это был жрец Гравунга. Он держал вырывающуюся Муриелу за горло, и со зверской гримасой на лице жестоко избивал ее.

— Др-рянь! — хрюпал он, шевеля толстыми вывернутыми губами. — В какие игры ты играешь с нами? Что Зардхеб велел тебе говорить? Ты предала хозяина! Или это он с твоей помощью предал своих? Потаскушка! Я оторву твою лживую головенку, но вначале...

Меч Конана опустился на голову негра. Удар пришелся плашмя, неточно — негр дернулся, увидев в распахнутых глазах Муриелы силуэт мужчины. Он бился в агонии, кровь хлестала из рваной раны в голове.

Киммериец подошел к нему, чтобы прикончить, но девушка отчаянно вцепилась в его руку.

— Я говорила, как ты велел! — задыхаясь, взмолилась она. — Забери меня отсюда, прошу тебя!

— Погоди, — ответил Конан. — Мне надо проследить за жрецами и выяснить, где спрятаны зубы. Ты можешь пойти со мной. Где то украшение, что было у тебя на волосах?

— Я была так испугана. Наверное, я уронила его на возвышении, когда выбежала к тебе, и это чудовище схватило меня сзади.

— Ну хорошо, подожди, пока я покончу с ним, — приказал Конан. — Иди! Эта драгоценность — уже неплохая добыча.

Она колебалась, боясь возвращаться в этот сумрачный зал. Когда же Конан оттащил труп Гравунги в альков, она повернулась и побрела в комнату оракула, жалобно оглядываясь.

Конан занес меч над безжизненным телом негра. Киммериец придерживался старого мудрого правила: безопасный враг — это обезглавленный враг.

Крик ужаса раздался из комнаты оракула.

— Конан! Конан! Она вернулась!

Пронзительный крик захлебнулся. Конан с проклятием повернулся и

бросился из алькова на крик Муриелы.

Ворвавшись в комнату оракула, он остановился, обескуражено озираясь вокруг.

Муриела неподвижно лежала на возвышении. Ее веки были опущены, словно она спала.

— Что произошло? — хмуро спросил Конан. — Сейчас не время для шуток.

Внезапно его взгляд упал на смуглую бедро девушки, прикрытое полупрозрачной шелковой юбкой. Эта юбка должна быть порвана по шву, до самого пояса, ведь он собственноручно сорвал ее тогда с Муриелы. Но сейчас юбка была цела. Конан сделал неуверенный шаг к возвышению и прикоснулся ладонью к лицу девушки. Холод безжизненного тела обжег его, и в страхе он отдернул руку.

— Кром!

Искорки ужаса вспыхнули в глазах киммерийца.

— Это не Муриела! Это... Йелайя!

Теперь он понял, почему так отчаянно закричала Муриела, зовя его на помощь. Божество вернулось. Тело Йелайи, ограбленное Зардхебом, теперь снова было облачено в свои одежды и украшения. Драгоценная заколка блестела в смоляных прядях ее волос.

— Муриела! — сердито выкрикнул Конан. — Где дьявол тебя носит?

Эхо насмешливо вторило его крику. Другого выхода, кроме золотых дверей, здесь не было.

После того, как ушли жрецы, сюда никто не входил, и никто отсюда не выходил. Но факт оставался фактом: божество возвратилось в свои покой за те несколько минут, как Муриела вышла из комнаты и попалась в лапы Гравунге.

В ушах Конана еще звучал ее крик, но маленькая танцовщица исчезла бесследно. Кроме сверхъестественного объяснения происходящему могло быть еще только одно — где-то в помещении была потайная дверь.

Он увидел ее сразу же, как только подумал об этом.

Тонкая вертикальная щель виднелась в плите черного мрамора. Из щели торчал кусок шелковой ткани. Конан вырвал его; это был обрывок юбки Муриелы.

Все было ясно: клочок юбки оторвался, когда девушку несли в этот проход, обрывок одежды не дал двери захлопнуться до конца.

Конан просунул в щель острие кинжала и нажал на рукоятку. Лезвие из гибкой акбитанской стали согнулось, но мраморная плита поддалась и бесшумно отъехала в сторону. Конан поднял меч и заглянул в проем. В

тусклом свете он увидел уходившую вниз мраморную лестницу.

Прикрыв дверь, Конан подпер ее кинжалом, чтобы не дать ей захлопнуться полностью и пошел вниз по ступенькам. Темнота и безмолвие окружили его. Ступеньки кончались узким проходом, в конце которого была тьма.

Внезапно Конан замер, остановившись у самого основания лестницы, и с любопытством стал разглядывать покрывавшие стены росписи, смутно различимые в слабом свете, проникавшем сверху. Фрески напоминали пелиштимские, — он видел подобные на стенах Асгалуна. Но сцены этих росписей не имели ничего общего с пелиштимскими, кроме одной часто повторяющейся фигуры — худого седобородого старика с очень характерными расовыми признаками.

Росписи изображали верхние помещения дворца. Он узнал комнату оракула с фигурой божества на возвышении, с большим негром, застывшим перед ним в благоговении, и древнего пелиштимца, притаившегося в нише за стеной. Трое слуг, двигавшихся через безлюдный дворец, видимо, выполняли приказ старика и вытаскивали какие-то предметы из подземного канала.

Несколько мгновений Конаностоял без движения, пораженный внезапной догадкой.

Смысл непонятных слов в пергаменте стал для него предельно ясен. Тайна Иакина и его слуг больше не была тайной.

Конан двинулся по коридору неслышной поступью кошки, все дальше углубляясь в темноту. Спертый воздух был наполнен тем же запахом, что и тогда, во дворце у гонга. Недобрый холодок пробежал по спине у Конана.

Он явственно услышал впереди себя шарканье ног и шорох одежды, задевающей о камни. Через мгновение его рука наткнулась в темноте на что-то массивное и металлическое, похожее на литой портал. Его попытки острием меча найти потайную щель и открыть дверь ни к чему не привели. Дверь была неприветливая. И слону не под силу было бы сдвинуть эту плиту.

Конан чуть наклонился, чтобы ощупать дверь рукой.

Вдруг до его слуха донесся звук — хорошо ему знакомый скрежет ржавого металла, словно царапанье железных когтей.

Конан инстинктивно отпрыгнул назад. Оглушительный треск потряс каменный коридор.

Мгновением позже летящие обломки наполнили туннель, и эти камни раздавили бы его, как муравья, не успев он вовремя покинуть западню.

Где-то рядом, возможно, по ту сторону литого портала томилась похищенная Муриела. Но проникнуть за дверь он не мог. Возвращение в

туннель было бы безрассудством: какой-нибудь каменный блок мог свалиться на него и превратить в кровавое месиво.

Конан решил отступить. Он поднимется наверх и поищет другой проход в подземелье.

Он повернулся и заспешил назад к лестнице. Но только успел он встать на первую ступеньку, как свет над ним померк, и дверь наверху с грохотом захлопнулась.

Конана охватила паника. Пойманный в ловушку, он повернулся и, выхватив меч, приготовился к нападению врага. Но в туннеле было тихо. Может, его враги (если они, конечно, были здесь) поверили, что он погребен под грудами обломков? Тогда зачем захлопнулась дверь наверху?

Прервав размышления, Конан ощупью поднялся по лестнице. Каждую секунду он ожидал удара ножом в спину. Он старался все больше заглушить чувство паники наплывом ярости и варварской жажды крови.

Он с силой толкнул дверь, но она не поддалась ему. Конан с проклятием поднял меч, чтобы ударить по мраморной плите, но тут свободной рукой он наткнулся на металлический болт, явно скользнувший в паз, на свое место, когда дверь захлопнулась. Конан схватился за болт, одновременно нажимая на дверь, и дверь медленно открылась...

Конан впрыгнул в комнату, как разъяренный тигр, готовый крошить все направо и налево.

Кинжал, подпирающий дверь, исчез. Комната была пуста. Йелайя исчезла бесследно.

— Кром! — прошептал пораженный Конан. — Осталась ли она в живых после всего этого?

Расстроенный и сбитый с толку, он вошел в альков. Внезапно его осенила новая догадка. Она осенила его, когда Конан увидел, что на мраморном полу комнаты осталась только маленькая лужица крови. Тела Гравунги не было. Негр исчез так же необъяснимо, как и Йелайя.

Глава четвертая

Зубы Гуахаура

Ярость помрачила разум Конана, мешала ему спокойно размышлять. Он не имел ни малейшего представления, где искать пропавшую Муриелу, ни о том, как найти Зубы.

Единственная возможность выведать что-либо — проследить за жрецами. Толку здесь будет немного, полагал Конан, но все же лучше, чем бродить по дворцу наугад.

Через большой затемненный зал Конан прошел к портику. У основания лестницы он остановился, выясняя направление, по которому пошли жрецы.

Он определил его по лепесткам, обитым широкими одеждами жрецов и рассыпанным по газону. По этим следам факельного шествия и двинулся Конан.

Следы на примятой траве вели из дворца к темной скале, подобной гигантской башне возвышавшейся над остальным массивом.

Судя по всему, болтливый жрец ошибался, утверждая, что зубы Гуахаура по-прежнему спрятаны во дворце.

Спрятавшись в густой тени ветвей, Конан рассматривал выступы скал, нависавших над долиной. Ближайший к нему выступ, хорошо освещенный луной, был весь покрыт рельефной резьбой, изображавшей людей, зверей и полуживотных-полулюдей, — быть может, богов или злых духов. Стиль этих изображений резко отличался от всего того, что Конан видел во дворце и в долине. Но Конан не удивлялся, понимая, что это след иных рас и очень отдаленных эпох, давно забытых и погребенных в древней земле Алкменона.

В толще скал была выбурлена большая дверь, она была раскрыта. Дверь изображала собой как бы раскрытую пасть дракона, гигантская голова которого была высечена в скале. Дверь была отлита из бронзы и весила, наверно, многие тонны. Сложная система засовов, видимо, понятная только жрецам, была укреплена вдоль края двери.

Конан решил подождать, пока Гурулга и его негры не вернутся назад. Он хотел разгадать секрет тяжеловесного замка.

Но все-таки, помедлив, он решил проникнуть в сокровищницу. Где-то там, в пещере, по его мнению, находились зубы Гуахаура, и, возможно,

ключ к судьбе Муриэлы. Киммериец был не из тех, кого могла остановить опасность.

Лунный свет проникал в широкий туннель, освещая его на несколько шагов вперед. Откуда-то спереди до Конана донеслось странное пение; он увидел вскоре слабое мерцание призрачного света.

Жрецы были совсем близко от него. Туннель выходил в большое сводчатое помещение, освещаемое люминесцирующей инкрустацией.

В тусклом полуслете зала Конан увидел изображение странного животного, свернувшегося на алтаре, и черные отверстия семи туннелей, расходившихся в разных направлениях. Самый широкий из них уходил вниз. Изображение монстра на алтаре смотрело в сторону двери.

Забыв об опасности, Конан прошел вперед. Он очутился в пещере, крупнее которой не видел никогда в жизни. Колеблющийся свет факелов освещал огромный алтарь какого-то мерзкого непристойного божества, напоминающего жабу. Гурулга и десять его служителей стояли перед алтарем и монотонно пели молитвы, ритмично отбивая земные поклоны. Конан догадался, что медленное продвижение жрецов вперед к алтарю отвратительного божества было древним и хорошо отработанным ритуалом.

Конан с нетерпением ожидал окончания службы. Наконец, жрецы умолкли, встали с колен и чинно прошли в туннель позади алтаря. Он проследовал за ними, не боясь быть обнаруженным жрецами.

Он скользнул в темноте подобно тени, а жрецы были так поглощены церемониалом, что, похоже, даже не заметили исчезновения Гравунги.

Процессия жрецов вошла в огромную, еще больших размеров чем прежняя, подземную залу. На огромном алтаре восседало еще более отвратительное божество, чем было только что.

Конан замер, притаившись у входа в туннель. Он заметил кругую каменную лестницу, соединяющую галереи под сводчатым потолком зала. Тем временем жрецы, упав на колени, затянули свое пение перед отвратительным идолом, не забывая отбивать при этом поклоны.

Внезапно пение оборвалось. Стоявшие на коленях негры запрокинули головы вверх. Нечеловеческий, жуткий голос загремел над ними. Они замерли, не вставая с колен, и мертвенно-голубой свет упал на их лица. Это сверхъестественное сияние с оглушительным треском разгоралось на потолке пещеры. Жрецы огласили своды радостными возгласами.

На галерее показалась плывущая в ослепительном сиянии белая фигура, одетая в белые шелка и расшитая золотом. Тонкая фигура, словно парящая в воздухе, мерцала и переливалась в призрачном свете.

— Йелайя! — воскликнул Горулга.

Его смуглое лицо стало мертвенно бледным.

— Почему ты преследуешь нас? Какова твоя воля? Сверхъестественный голос, устрашающий и властный, грянул на него с потолка, отраженный и усиленный эхом.

— Ни с места, неверные! Остановитесь! Вероломные дети Кешана, смерть ожидает тех, кто не подчинится воле богов и отречется от веры!

Потрясенный Горулга застыл, пораженный ужасом.

— Я не понимаю.

Он медлил, с трудом подбирая слова.

— Мы — правоверные слуги богов, о, Йелайя! Там, в комнате оракула, ты сказала...

— Забудь о том, что ты слышал в комнате оракула! — прогремел страшный голос божества. Он звучал так, словно тысячи голосов шептали и бормотали одновременно одно и то же. — Бойтесь лжепророков и фальшивых богов! Демон в облике Йелайи говорил с вами, совершив лживое пророчество. Слушайте же меня, жрецы из Кешана. Истинное божество — это я. Я даю вам возможность спастись. Возьмите зубы Гуахаура из склепа, где они пролежали много веков. Алкменон больше не священное место, он был осквернен безбожниками и грабителями. Отдайте зубы Гуахаура стигийцу Тхутмекри, чтобы положить их в храм Дагона и Дарнета. Только это спасет Кешан от участи, уготованной ему демонами зла. Берите священные зубы Гуахаура и возвращайтесь в Кешан. Немедленно схватите слугу демонов Конана и на площади с живого сдерите с него кожу!

Дрожа от страха, жрецы бросились к двери позади алтаря идола. Горулга бежал впереди всех. Они с трудом протиснулись в двери, толкаясь и обжигая друг друга пламенем факелов.

Наконец, шаги жрецов стихли, удалившись в глубину темного туннеля. Конан не пошел за ними. Он твердо решил разгадать тайну всего произошедшего. В самом ли деле это была богиня, или это опять была Муриела, под страхом смерти предавшая его? Ладони Конана вспотели. Если это была девчонка...

Конан поспешил начать выбираться по лестнице, ведущей на галерею. Голубое сияние погасло, но Конан отчетливо видел, что фигура с кожей цвета слоновой кости все так же неподвижно стоит наверху.

Кровь застыла в жилах киммерийца, но он все же поднялся к таинственной фигуре и занес над ней свой длинный меч.

Йелайя! — пророкотал Конан. — Ты снова должна умереть, как была

мертва уже тысячелетия! Ха!

Черная тень метнулась позади Конана из темноты туннеля, но киммериец вовремя почуял врага и ловко увернулся, избежав удара в спину. С точностью и яростью рассерженного питона он нанес ответный удар, вогнав длинное лезвие меча по самую рукоятку в грудь противника.

— На!

Конан выдернул клинок. Его враг рухнул на пол, корчась и хрюпая в агонии. В мертвенно свете пещеры Конан видел у своих ног умирающего негра. Это был Гравунга.

Негр перестал корчиться и затих. Конан отвернулся от трупа и подошел к божеству.

Ее колени и грудь были перехвачены веревками и привязаны к каменному столбу, а длинные волосы, тоже привязанные, держали ей голову, не давая ей упасть на грудь.

В сумрачном мерцающем свете на расстоянии в несколько ярдов эти путы были неразличимы.

— Он, видимо, пришел уже после того, как я спустился в туннель, рассуждал про себя Конан. — Значит, это он захлопнул дверь и вытащил кинжал.

— Все ясно! Это он потом взял тело Йелайи, чтобы одуречить своих собратьев-жрецов. Это он кричал, изображая божество.

Его голос невозможно было узнать под этими сводами, искажающими и повторяющими звук. А бьющее в глаза голубое пламя — старый фокус стигийских жрецов! Тхутмекри, явно он научил Гравунгу этим эффектам...

Очевидно, хорошо знакомый с расположением пещер по картам или чьим-то рассказам, Гравунга проник туда последним, но до святилища добирался окружным путем, и укрывался потом с телом божества на балкончике галереи, пока остальные жрецы были заняты своим идиотским ритуалом.

Пристально вглядываясь в полутьму, Конан заметил, что одна из галерей излучает свет.

Коридор внизу, по которому уходили жрецы, тоже излучал слабое фосфорическое сияние. Конан решил двинуться к нему.

Этот туннель непременно должен был связан с другими ходами.

Чем дальше продвигался Конан, тем ярче становилось свечение стен. Впереди послышалось пение жрецов.

Неожиданно слева от себя Конан услышал чьи-то рыдания. Он повернулся и увидел дверной проем, ведущий в комнату, вырубленную в толще скалы. Своды потолка светились все тем же светом, а стены сплошь

были покрыты арабскими письменами.

На каменном троне у дальней стены восседал непристойный бог Пелиштима-Птеор с непомерно увеличенными чертами, подчеркивающими всю грубость этого культа. В его огромном лоне помещалась хрупкая белая фигурка.

— Проклятие! — прошептал Конан.

Он внимательно осмотрел комнату. Здесь не было другого входа, никто не прятался за ней. Конан бесшумно подошел к девушке, чьи худые плечи сотрясались от плача, а лицо уткнулось в маленькие ладони. От тонких обручей идола к ее запястьям тянулись золотые цепочки. Конан мягко дотронулся рукой до ее обнаженного плеча Муриела испуганно отпрянула, открыв Конану свое заплаканное лицико.

— Конан!

Она бросилась к нему, пытаясь обнять, но золотые цепочки помешали ей. Конан легко разорвал мягкое золото, проворчав:

— Придется тебе поносить эти браслеты, пока я не отыщу напильник. — Кром! Пусти меня! Дьявол! Ты уж слишком впечатлительная актриса. Что с тобой произошло, девочка? Как ты пропала тогда?

— Вернувшись в комнату оракула, я увидела Йелайю, лежавшую на возвышении точно так же, как и нашла ее в первый раз.

Муриела снова захныкала.

— Я позвала тебя и бросилась к двери. Но тут кто-то схватил меня сзади. Мне заткнули рот и потащили куда-то вниз по лестнице, а потом по какому-то темному залу. Я не видела, кто меня тащил. Меня держали до тех пор, пока мы не вошли в туннель, потолок которого светился, как в этой комнате. О, я лишилась чувств, когда увидела их! Конан, это не люди! Это серые мохнатые дьяволы, они бормочут что-то на зверином языке, их невозможно понять. Они стояли и наблюдали за мной. Тут я услышала, как кто-то пытается открыть металлическую дверь, закрывавшую вход в туннель. Тогда один из этих волосатых чудищ повернул механический рычаг в стене, и за дверью что-то с грохотом рухнуло. Они схватили меня и снова понесли по каким-то перепутанным коридорам и лестницам, вверх и вниз, потом принесли сюда, где приковали меня к коленям этого мерзкого божества, и ушли. О, Конан, кто это был? Кто они?

— Слуги Иакина, — хмуро ответил Конан. — Я нашел свиток, который о многом мне рассказал. Потом я обнаружил странные фрески, которые объяснили мне все. Иакин был пелиштимцем, пришедшим в долину со своими людьми уже после того, как обитатели Алкмеона открыли ее. Он нашел тело Иелани и заметил, что жрецы время от времени

приходят к ней, чтобы совершать жертвоприношения.

Он превратил ее в оракула, а сам же изображал голос оракула, произнося свои пророчества из ниши, выбрубленной в стене позади возвышения. Жрецы ни о чем не догадывались и не разу не видели ни Иакина, ни его слуг. Бог знает, сколько веков они обитали здесь. Мудрецы из Пелиштима добились продления своей жизни на сотни лет. Наверно, Иакин играл роль оракула, чтобы держать город покинутым и безлюдным. Может, здесь была другая причина — мне это трудно понять. Иакин питался тем, что приносили жрецы для Йелайи как жертвоприношения, а слуги ели что-то другое. Я давно подозревал, что подземная река под дворцом — это путь, по которому жители горного Пунта отправляли тела умерших. Слуги Иакина повесили лестницы над потоком, с которых они могли вылавливать проплывавших мимо покойников. Иакин обо всем написал в пергаменте и расписал стены фресками. Но все-таки однажды он умер, и слуги, следя его завещанию, превратили его тело в мумию и поместили в маленькую нишу в скалах. Здесь по-прежнему живут его слуги. Они оказались еще более долговечными, чем их хозяин. Но когда верховный жрец опять явился на совет к оракулу, слуги, не имея руководителя, который мог бы их удержать, растерзали жреца. С тех пор до последнего посещения — никто не приходил к божеству. Слуги, очевидно, обновили одежду Йелайи, повесили на нее новые украшения, как это регулярно делал сам Иакин. Они же заново одели божество и водворили его на место, после того как Зардхеб обокрал его. И они же отрубили святотатцу голову и повесили ее сущиться в чаще.

Муриела задрожала, но через минуту успокоилась и облегченно вздохнула.

— Хвала богам! Он больше никогда не сможет хлестать меня.

— На этом свете — нет, — усмехнулся Конан. — Так Идем дальше. Гравунга сильно навредил мне с помощью своего фокуса с оракулом. Я последую за жрецами и украду сокровища до того, как они завладеют ими. Муриела, держись поблизости. Не могу же я все время охранять тебя.

— А как же слуги Иакина? — со страхом промолвила девушка.

— Ничего, у нас есть один шанс выиграть, — промолвил Конан. — Не знаю, что они собираются делать дальше, но желания вступать в открытую схватку у них явно нет. Пойдем.

Схватив ее за руку, он вывел ее в коридор, и они быстро пошли вниз. Вскоре они услышали пение жрецов и шум водяного потока.

Они очутились на верхней галерее огромной пещеры. Свет ослепительно бил прямо у них из-под ног. Они замерли, пораженные

фантастическим зрелищем.

Над ними мерцал голубым светом потолок, под ними на глубине в сотню футов расстился ровный каменный пол пещеры. В его дальнем конце из скалы выходил узкий и глубокий поток, кипящий и ревущий водоворотами, и снова исчезал в темноте.

Темные воды потока отражали сияние фосфоресцирующего потока, переливаясь и играя бликами всех цветов — голубыми, зелеными, алыми.

В этом роскошном зрелище было что-то зловещее.

Конан и Муриела стояли на одной из скальных галерей, наискосок пересекавших стену. Естественный каменный мост соединял галерею с другим, меньшим по размеру выступом скалы на противоположном конце пещеры, за каналом.

Десятью футами ниже другая такая же арка соединяла край пещеры. На дальнем конце пещеры лестница соединяла концы этих каменных мостов.

Конан поднял голову вверх и уловил странный отблеск света, непохожий на мрачное свечение потолка. Прямо под ними он увидел небольшое отверстие в стене. В нем светили и дрожали далеким светом звезды.

Но внимание Конана было приковано к сцене, происходившей внизу.

Жрецы достигли, наконец, места, куда так стремились. Здесь, в глубоком темном углу находился каменный алтарь, но без божества. Что было позади алтаря, Конан различить не мог — в силу какого-то светотеневого эффекта там все тонуло в полной темноте.

Воткнув факелы в специальные отверстия в полу, жрецы образовали полукруг пламени перед жертвенником. Затем они сами расположились полумесяцем, замерев над своими факелами. Горулга поднял руки кверху и произнес заклинания, затем подошел к алтарю и медленно опустил на него свои руки.

Алтарь, словно легкая крышка сундука, опрокинулся назад, открыв небольшой тайник.

Горулга пошарил руками в тайнике и вытащил на свет маленький медный ящичек.

Вернув алтарь в прежнее положение, жрец поставил на него ящичек и открыл его.

Конану показалось сверху, будто яркая вспышка пламени озарила полутемный зал, вырвавшись наружу из открытого ящичка, и воздух задрожал от этого немыслимого света.

Сердце Конана учащенно забилось, рука легла на рукоять меча.

Зубы Гуахаура! Наконец-то он нашел сокровище, которое сделает его богаче всех королей!

Конан со свистом выдохнул воздух сквозь сжатые зубы.

Затем до его сознания дошла какая-то перемена, произошедшая там, внизу, у алтаря.

Жрецы замерли в позах испуга и благоговения. Их тени, огромные и жуткие, колыхались позади них в свете факелов.

Алтарь был ярко освещен дьявольским сиянием зубов Гуахаура, и в этом свете чеканно выступали черты удивленного лица Горулги.

Мрак позади алтаря неожиданно вспыхнул нестерпимо ярким светом. Сияние медленно расширялось, наступая на окружающую полутьму. И тогда все увидели их — мрачные исполинские фигуры, словно порожденные ночным мраком.

Они были похожи на серые гранитные изваяния, эти неподвижные чудовища, слишком волосатые и отвратительные для того, чтобы быть людьми.

Глаза их вспыхивали колючими быстрыми искрами холодного огня.

Слуги Иакина угрожающе двинулись на жрецов. Горулга пошатнулся, и с воплем упал назад, воздев руки кверху, словно пытаясь заслонить себя от надвигающейся гибели.

Длинные волосатые лапы с хрустом вцепились в его горло.

Горулга дико закричал, пытаясь вырваться, но вскоре затих. Тело верховного жреца, как мешок, повисло на алтаре, его мозги сочились из расколотого черепа. Затем эти исчадия ада толпой двинулись на оцепеневших от ужаса жрецов.

Резня была быстрой и безжалостной.

Конан видел только мелькающие внизу черные тела негров и чудовищные руки убийц. Против их нечеловеческой силы мечи и кинжалы жрецов были беспомощны.

Конан видел, как людей поднимали над землей и с размаху разбивали им головы о камни алтаря.

Он видел, как один из монстров безжалостно забил пылающий факел в глотку умирающего бедняги, тщетно пытающегося сопротивляться. Он видел человека, разодранного, как цыпленка, пополам — его кровавые останки были разбросаны по полу. Бойня была опустошительной и короткой, как вихрь.

В этой страшной резне погибли все, кроме одного несчастного, который с криком бежал во мрак подземелей, преследуемый толпой опьяневших от крови слуг Иакина.

Муриела стояла на коленях, обхватив ноги Конана и закрыв глаза. Ее тряслось. От страха она не могла вымолвить ни слова.

Конан тоже был взбудоражен. Он бегло оглядел пещеру, алтарь с лежащим на нем драгоценным ящичком, и принял решение.

— Я схожу вниз за сокровищем, — сказал он, — А ты жди здесь!

— О, Митра, нет!

В отчаянии она бросилась на пол и вцепилась в его сандалии.

— О, нет! Не оставляй меня здесь!

— Лежи здесь и закрой рот!

Он с трудом вырвался из рук Муриелы. Пренебрегая лестницей, Конан спускался, быстро прыгая с уступа на уступ.

Когда он достиг пола пещеры, чудовищ уже нигде не было.

Оставшиеся факелы с треском догорали в своих гнездах. По-прежнему мерцал голубоватым светом потолок, и река внизу что-то бормотала, играя невероятными красками.

Сияние, возвестившее появление страшных слуг Иакина, давно померкло. Только сокровище Гуахаура по-прежнему сверкало в раскрытом ларце.

Конан схватил ларец, бегло взглянув на его содержимое — невиданной формы камни, горевшее каким-то фантастическим огнем.

Конан закрыл ящичек, прижал его к груди и побежал вверх по лестнице.

Краткое появление слуг Иакина рассеяло иллюзии Конана относительно их свирепости и силы. Но почему эти монстры так долго медлили, прежде чем напасть на жрецов? Логика этих чудищ была, видимо, непостижима для человека.

Бессспорно, они обладали разумом, что и делало их особенно опасными.

Конан, наконец, достиг того места, где он покинул Муриелу. Девушка тихо лежала на полу, свернувшись калачиком.

Конан схватил ее за руку и одним рывком поставил на ноги, рявкнул ей на ухо:

— Пора уходить!

Парализованная страхом, Муриела покорно последовала за Конаном. Он тащил ее за руку по пролету арочного моста.

На головокружительной высоте над ревущим потоком она вдруг очнулась и посмотрела вниз. Муриела пронзительно завизжала и чуть не свалилась вниз, но сильные руки киммерийца вовремя подхватили ее.

Выругавшись, Конан подхватил ее и понес, как ребенка, к отверстию в

скале на другом конце моста. Они быстро проскочили короткий туннель, и оказавшись на узком карнизе с внешней стороны скальной гряды, окружавшей долину.

Почти в сотни футов над ними колыхались темные джунгли.

В небе сияли знакомые звезды.

Конан посмотрел вниз. С облегчением он подумал, что вполне может спуститься здесь вместе, с Мурисой и сокровищем.

Он поставил ларец, забрызганный кровью, на выступ скалы и начал разматывать пояс, чтобы привязать драгоценную ношу к спине. Внезапно он повернулся, услышав подозрительный шорох у себя за спиной.

— Стой здесь! — крикнул Конан девушке, и исчез в туннеле, выхватывая на ходу меч.

Не добежав до середины, он увидел серую косматую фигуру — один из слуг Иакина высаживал его.

Раздумывать было некогда. Конан мог сразиться с монстром, стоя в туннеле, но он должен убить врага раньше, чем подоспевут другие слуги Иакина.

Он ринулся по пролету моста навстречу приближавшемуся гиганту.

Это была не обезьяна, но и не человек.

Это был какой-то мохнатый ужас, порожденный таинственными, мрачными дебрями южных джунглей, где в испарениях кипела непонятная жизнь, а в безлюдных храмах гремели барабаны.

Человек и чудовище стояли друг против друга над черной водой. Когда монстр с серым косматым телом пещерного зверя возник перед Конаном, тот с размаху ударил его мечом, вложив в удар всю свою силу и вес.

Удар такой силы должен был разрубить его врага надвое, но кости чудовища были словно из железа.

Перед следующим страшным ударом не мог бы устоять даже металл. Плечевые кости и ребра чудища были раздроблены, кровь хлынула струей из огромной раны.

Третий раз Конан ударить не успел. Огромная волосатая рука одним движением смахнула его со скалы.

Он упал в холодный поток, но меча из рук не выпустил. Вынырнув на поверхность, Конан увидел раненого монстра и Мурису, стоявшую с ларцом в руках у входа в туннель.

С торжествующим ревом монстр подскочил к девушке схватил ее одной рукой, другой вырвал ларец и, ковыляя, двинулся обратно через мост.

Конан выбрался из воды и с проклятиями стал карабкаться наверх. Он боялся, что не успеет настичь монстра до того, как тот скроется в туннеле

со своей ношей.

Но гигант заметно ослабевал. Кровь била струёй из раны на его груди. Он медленно шел, шатаясь из стороны в сторону как пьяный.

Вот он покачнулся, оступился и через мгновение рухнул головой вниз с арочного моста. Муриела и ларец с сокровищами полетели вниз, выскользнув из рук монстра. Отчаянный крик девушки повис над бурлящей водой.

Конан был уже почти под аркой моста, с которого упал монстр. Раненый гигант ударился о нижнюю арку и отлетел в сторону. Муриела успела каким-то чудом уцепиться за край моста и повиснуть на руках. Ящичек с сокровищами полетел вниз.

Рот девушки был раскрыт в беззвучном крике, лицо искажено страхом.

Конан бросился к ней, даже не взглянув в сторону ящичка, хранившего в себе сказочное богатство.

Стремительными прыжками он устремился к Муриеле и схватил ее за руку как раз вовремя — ее пальцы уже готовы были вот-вот разжаться. Ларец с зубами Гуахаура упал в воду вместе с телом убитого монстра и утонул в темной воде.

Конан даже не взглянул вниз. Он подхватил Муриелу и рванулся с нею по лестнице, прыгая через ступеньки, как кошка.

За спиной послышалось мерзкое улюлюканье. Эти серые твари возвращались обратно в пещеру. Кровь капала с их волосатых лап.

Конан уже достиг верхней арки, когда, кровожадно рыча, слуги Иакина бросились за ним по лестнице. Конан перевесил бесчувственное тело девушки через плечо, стремительно пробежал туннель и начал спускаться со скалы, ловко, как обезьяна, перепрыгивая с утеса на утес.

Когда свирепые глаза монстров глянули вниз с края скалы, они увидели Конана и Муриелу, уже входящих под спасительный полог джунглей.

— Ну, вот, — произнес Конан, — здесь можно и передохнуть.

Он поставил ее на ноги.

— Не думаю, что эти твари посмеют устроить погоню здесь, вне долины. Неподалеку в пещере у меня привязана лошадь, если только ее не съели львы. Кром! Теперь-то зачем плакать?

Девушка уронила голову на руки, ее затрясло от беззвучных рыданий.

— Из-за тебя я потерял сокровища. — Конан усмехнулся.

— Это все из-за моей ошибки, — сквозь плач произнесла Муриела. — Если бы я оставалась на краю скалы, как ты мне велел, все было бы иначе.

— Конечно, — кивнул Конан. — Но забудь об этом. Никогда не жалей

о том, чего больше нет. И перестань плакать. Значит, не судьба. Пошли.

— Ты и правда хочешь взять меня с собой? — с надеждой спросила Муриела.

— Ведь ты обладаешь кое-какими другими сокровищами, — с ухмылкой сказал Конан, скользнув взглядом по пленительным изгибам ее тела.

— Я хочу использовать тебя, как опытную актрису. Мы не будем возвращаться в Кешан. Он меня больше не интересует. Мы с тобой отправимся в Пунт. Люди этой страны почитают женщин с кожей цвета слоновой кости. Пунт богат золотом, которое жители намывают из рек плетеными корзинками. Скажу этим богачам, что я послан богами защитить их страну за дом, до краев наполненный золотым песком. Если все пойдет, как я задумал, я пристрою тебя в храме и отниму у них то, что заменит мне утраченное сокровище.